

Вечером, после чрезмерной распущенности, оба упали без сил на кровать, и только сладкое, но глубокое дыхание наполняло воздух, переплетаясь и сливаясь.

Им даже не нужно было смотреть друг на друга. Они были так измотаны, что даже принять душ или выпить воды казалось непозволительной роскошью. Не хотелось шевелиться, но в душе переполняла радость.

Ша Ли, помимо усталости, ещё и испытывал боль. Мо Фэй, прислонившись к изголовью кровати, поднял с пола подушку и подложил её себе под голову.

Они зашли слишком далеко в своих играх, и сейчас он просто лежал с закрытыми глазами, восстанавливая дыхание.

— Босс, разве ты не собирался дать мне опыт? Главный герой в моём текстовом редакторе всё ещё лежит трупом! — Ша Ли ухмыльнулся с неприличным выражением лица.

Мо Фэй, положив голову на подушку, скосил на него взгляд и ленивым тоном произнёс:

— Иди сам нанеси мазь.

Ша Ли развёл руками, небрежно подёргал бровями, строя рожицу. Боль — это ерунда. Если сегодня есть вино, нужно напиться, иначе завтра оно испарится без следа.

— Позже Чжоу Тан снова принесёт еду? Может, закажем доставку? Острое рагу, курица с перцем, говяжья вырезка с ханчжоуским перцем... И ещё мне миску белого риса.

На этот раз Мо Фэй даже не удостоил его поднятием век:

— Иди нанеси мазь.

— Не больно. У этого бессмертного мужчины толстая шкура, через десять минут встану на ноги, за три дня полностью восстановлюсь, способность к самозаживлению сравнима с...

— Маленькой ящерицей? — Мо Фэй не выдержал и рассмеялся, вспомнив старый мем.

Темнело всё раньше. Лёжа в кровати, они видели, как вечер быстро превращается в ночь. В комнате было темно. Выключатель света был рядом с кроватью, но никто не потянулся к нему.

Ша Ли уставился в подвесной светильник на потолке. Лунный свет падал на него, отражаясь мерцающими бликами. Говорят, лунный свет белый, но здесь, на потолке, он был синим — глубоким, таинственным и недостижимым.

— Мо Фэй...

Тихо позвал он его имя в темноте. Если тот проснётся — услышит. Если нет — Ша Ли просто выдохнул эти слова в пустоту, словно пукнул в воздух.

— Что? — откликнулся он. Он не спал.

— Тебе не кажется, что я слишком дешёвый? Все хотят, чтобы их лелеяли, а я лишь хочу причинять боль?

Мо Фэй: .....

— Мо Фэй, я не хочу, чтобы меня кто-то лелеял, и не хочу, чтобы кто-то ещё причинял мне боль.

Мо Фэй по-прежнему молчал. Ша Ли подумал... Возможно, тот и сам не знал, что ему сказать.

Однако тишину вскоре нарушил звонок телефона аристократа. В это время мог звонить только помощник Чжоу Тан по поводу доставки еды. Не отвечая, было ясно, что он появится в течение десяти минут: откроет дверь, оставит еду, вернётся в свою машину и будет ждать следующего указания от босса. Или же, если указаний не последует, в положенное время отправится в своё логово.

Курьеры не должны видеть их вместе. Мо Фэй строго соблюдал изначальную договорённость: чем меньше людей знает об их связи, тем лучше.

Соблюдал слишком хорошо!

Чертовски хорошо!

* * *

Идти вниз поесть было лень. Ша Ли, полулёжа на краю кровати, в одноразовых перчатках ел суши с тарелки.

Скумбрия после засолки и маринада в укусе становилась более нежной и мягкой по текстуре. При разжевывании вместе с кисловатым рисом для суши её вкус заставлял сожалеть, что нельзя прожевать и собственный язык.

Ша Ли, подражая нежному голосу японского сэйю, крикнул в сторону ванной:

— Дорогой, выходи скорее есть! Эти суши такие вкусные, что я сейчас заплачу!

Его вычурность осталась без ответа. Мо Фэй задержался в ванной так долго не только для душа — видимо, собирался выйти.

Большая тарелка суши и тёплый суп мисо наполнили грудь приятным ощущением сытости и свежести. Ша Ли, за которым кто-то ухаживал, не удержался и потянулся.

Мо Фэй уже вышел, переодевшись. На нём не было костюма, лишь лёгкое пальто нежно-голубого цвета с хорошей драпировкой. Часы он тоже не надел...

Видимо, шёл к очень близкому человеку!

— Не поешь?

— Не голоден. Спи, — ответил Мо Фэй, подходя и целуя его в губы, ещё влажные от супа мисо, затем поцеловал снова. Его только что почищенные зубы источали прохладный мятный аромат зубной пасты, который хотелось исследовать глубже, ощутить полнее.

Ша Ли не выдержал, обвинил его шею руками, притянул к себе. Дыхание становилось всё более неровным, всё тело содрогалось и дрожало.

— Наелся? — спросил Мо Фэй.

— Наелся. Хочу и господина президента накормить досыта.

— Нельзя. Есть кое-какие дела, — Мо Фэй отстранил его руки и выпрямился, стоя над ним величественно, красивый и благородный.

— Можно мне с тобой? Я давно не выходил. Подожду в машине, — сел Ша Ли, схватив его за руку и умоляя. — Я могу закрыть глаза, чтобы не знать маршрут.

— Пфф!

Мо Фэй с неодобрением провёл указательным пальцем по его носу:

— Быстро переодевайся.

— Ага-ага!

* * *

Дорога заняла почти двадцать минут — расстояние оказалось немаленьким. Всю дорогу Ша Ли смотрел на мелькающие ночные пейзажи за окном и в конце концов не выдержал — его укачало.

— Я могу выйти из машины и подождать у обочины? Я правда сейчас стошню.

Мо Фэй усмехнулся:

— Заходи в дом. Всё в порядке.

Они были за городом. Окружение было ещё тише, чем там, где они жили. Особняк был огромным. Помощник Чжоу Тан нажал на звонок. Дверь открыл парень, примерно того же возраста, что и Ша Ли.

Не сказать чтобы очень симпатичный. По десятибалльной шкале — максимум твёрдая четвёрка. На нём был халат, расстёгнутый на груди, пояс небрежно обмотан вокруг талии — почти что и не завязан.

— Второй брат! — едва слышно позвал парень, полностью проигнорировав его и помощника Чжоу Тан.

[Этот парень не в себе], — предположил Ша Ли.

Впалые глаза, бледное, одутловатое лицо, вид измождённого и еле дышащего человека, когда он говорил или шёл — всё это идеально описывало слово «доживающий».

Здесь было очень просторно и очень темно. Так поздно, а ни один свет не горел. В глубине безмолвной ночи первое, что почувствовал Ша Ли — здесь действительно очень просторно.

Особняк!

Вот это настоящий особняк!

Такой большой, и он живёт здесь один?

Чжоу Тан включил все источники освещения внутри и снаружи. При ярком свете изысканная и роскошная обстановка вокруг предстала во всей красе, но из-за отсутствия людей казалась ещё более безлюдной и холодной.

Когда все сели, Мо Фэй, словно выполняя формальность, спросил:

— Ужинал?

Даже мимоходом брошенный вопрос от босса звучал веселее. Сидя, откинувшись на спинку дивана и закинув ногу на ногу, он просто улыбкой подавлял всё твоё напускное величие.

Парень не ответил. С момента, как он сел, он погрузился в оцепенение, то улыбаясь, то хмурясь — самородок-актёр, да и только.

[Псих...]

Чжоу Тан только что ушёл заварить чай, а теперь вернулся. Он, должно быть, тоже осознал источник этой тишины. Поставив чашку чая перед Мо Фэем, он подошёл и толкнул того парня.

— Сяо Дун, второй молодой господин здесь!

Чжоу Тан, вероятно, намекал, что можно сходиться с ума после его ухода. Что ж, это сработало — душевное состояние собеседника явно изменилось.

Так вот он кто — недавняя знаменитость, тот самый Сяо Дун, который обещал совместное самоубийство, но не умер? Любопытство и отвращение одновременно взметнулись в душе Ша Ли. Ему захотелось подраться, поколотить этого прямого ничтожества и спросить, как этот ублюдок сумел взбаламутить воду в ЛГБТ-сообществе.

Мо Фэй сказал:

— Если бы Цзыцзянь увидел тебя таким, возможно, он бы не умер.

— Правда? — Слабо улыбнулся Сяо Дун. — Какая жалость.

Будучи центральной фигурой всей истории, он говорил так равнодушно, словно речь шла о совершенно постороннем человеке. Ша Ли едва сдержал желание придушить его, этого подонка... Ах...

— Раз не умер, живи как следует! — сказал Мо Фэй. — Не заставляй Цзыцзяня умирать с открытыми глазами.

— С открытыми глазами? — Сяо Дун, казалось, услышал нечто невероятно смешное. Его бледное, слабое тело тряслось от смеха. Закончив смеяться, он поднял голову. Его глаза были красными, как у кролика.

Эта сволочь заплакала. Всклипывая, он запрокинул лицо, слёзы текли по уголкам глаз, исчезая в волосах, оставляя лишь влажный след на висках.

— Знаешь, как было бы здорово, если бы он умер с открытыми глазами! Смотрел бы на меня, а я бы смотрел на него. Как хорошо!

Трое оставшихся в комнате людей онемели.

— Второй брат, несколько дней назад ты летал в Америку повидаться с ним, долго разговаривал... Я тебе верю, другие тоже верят...

Мо Фэй, вероятно, не хотел его ранить. Хотя в его взгляде читались презрение и холодность,

губы были слегка сжаты.

— Почему... почему... — Сяо Дун внезапно соскользнул с дивана, неожиданно упав на колени. На коленях он подполз к Мо Фэю, по пути потеряв равновесие и ударившись о журнальный столик возле дивана.

Сяо Дун, стоя на коленях перед Мо Фэем, ухватился за полу его пальто, рыдая и всхлипывая:

— Почему, второй брат? Разве ты не договорился с ним... Я же согласился...

Мо Фэй даже не сделал движения, чтобы поддержать или остановить его, не говоря уже об объяснениях. Возможно, он слишком хорошо знал того покойного Ван Цзыцзяня, поэтому оставался равнодушным к столь скорбящему человеку.

<http://bllate.org/book/15592/1390248>